

Самара восемнадцатого года... Город наводнен красноармейцами. У лавок — очереди за скудным хлебным пайком.

Люди голодали, болели, замерзали, испытывали множество всяческих лишений и невзгод. Но культурная жизнь не замирала. Выходили газеты и листовки. Печатались они, правда, на шершавой грубой бумаге, для к тому же какой-то рыжей краской, но все-таки выходили регулярно и точно расхватавались читателями.

В неотапливаемых театральных залах едва ли не всякий день проводились митинги, доклады, лекции, вечера вопросов и ответов.

Поэты и писатели собирались тесным кружком у кого-нибудь на квартире, читали свои произведения и, согреваясь кипятком, толковали о «Двенадцати» Блока, рисунках Анненкова и прочих высоких материях...

Осенью Красная Армия освободила Самару от чехо-чехидовцев. Горд торжественно отметил первую годовщину революции. На Советской улице (ныне Куйбышевская) возвышалась Триумфальная арка, украшенная декоративными панно, на одном из которых, как Георгий Победоносцу, летел в чине красногвардейца, пронзивший длинным копьем извивающуюся под ногами его лошади гильд империализма.

В горьковском театре шла премьера горьковского пьесы «Последние». В здании «Олимпия» (теперь концертный зал филармонии) «Ткачи» Г. Гауптмана открыл свой первый сезон театр имени Карла Маркса.

На сцене Народногo дома (теперь клуб имени Революции 1905 года) выступал один из старейших сямарских коллективов — кружок любителей драматического искусства, в

котором, к слову сказать, начинали свой творческий путь артист А. А. Рославлев, народный артист РСФСР Г. А. Шебустев и юный Коля Сиомон — ныне народный артист Советского Союза. В начале семнадцатого года кружок этот распался, но через несколько месяцев его афиши снова появились на улицах.

Время от времени наезжал из Симбирска С. Скиталец. Он давал концерты, на которых читал свои стихи и пел волжские народные песни под аккомпанемент гусель...

...Отгремели бои гражданской войны. Но жилось еще очень трудно.

По-прежнему с чрезвычайной остротой стоял вопрос о хлебе. Не хватало соли, спичек, мыла, керосина... Страна переживала финансовую катастрофу: количество бумажных денежных знаков, находившихся в обращении, исчислялось поистине астрономическими цифрами, деньги потеряли свою ценность.

«Внешне Самара почти не изменилась», — вспоминает Г. Шебустев. — Лишь были переименованы названия нескольких улиц, да слез с гранитного пьедестала чугунный Александр Второй... Но в сфере экономики, культуры и общего тона жизни Самара стала совсем иным городом. Вместо обычного пятимесячного зимнего сезона драматической труппы в городском театре, а затем кратковременных гастролей оперы и оперетты, цирка или театра миниатюр, теперь в городе было три драматических театра и один оперный. Они работали круглый год! Да еще при переполненных залах! Было чему удивиться и над чем призадуматься».

И в самом деле: разруха, голод, тиф, нет света, не хватает топлива — и в этих немудреных условиях

народ вдруг воспламеняется страстью к театру! Театр становится в урл с такими ярлениями жизни, как устремленность в будущее, самоотверженность, героизм, романтика революции.

«Удивительные были времена. — говорит Фурманов в «Чалаеве» — Артист, организатор, политический работник, пропагандист и агитатор, комиссар — все это сливалось пре-

● ИЗ ПРОШЛОГО

ЗАМЕТКИ О ТЕАТРАЛЬНОЙ САМАРЕ

де всего я одно понятие: боец! Лианзюнная труппа и была за то особенно любима красноармейцами, что они чувствовали тут своего же брата больше... Ждали красноармейцы эту свою труппу всегда с педальным нетерпением... И если знали, что труппа едет к ним, — настроение новинилось, из уст в уста передавалось об этом, как о величайшей радости.

Еще в дореволюционные времена Самара была театральным городом. Сюда приезжали на гастроли замечательные актеры, выдающиеся певцы и музыканты. Каждый такой приезд прославленных артистов был настоящим приездом для любителей театра. Но гастроли кончались, и духовная жизнь «кулического

града» на какое-то время хирела.

И все же искорка подлинного интереса к искусству не угасала. Особно ярко разгорелась она после Великого Октября, когда в театры хлынул новый зритель. Народ потянулся к культуре, знаниям, искусству. Выросло много кружков самостоятельности.

Это увлечение захватило и писателей. В 1919—1921 годах Неверов пи-

ческий кружок пролетарских писателей и ставим мою пьесу «Смех и горе». Идет с большим успехом. Сегодня 19-го ставим ее в 4-й раз в «Аквариуме». Громкие аплодисментов, буря восторга. Серьезно. В Самаре давно уже так не хлопали, как хлопают нам. Из сего Вы можете заключить, что с некоторого времени я артист».

Несколько пьес — «Борьба за Урал», «Красные командиры», «Красноармейцы», «В деревне», «Девятое января» — написал живший в те годы в Самаре П. А. Степной-Афиногенов (один выдающегося советского драматурга). Давно увлеченно драматургией отдала и другие самарские литераторы: П. Яровой, К. Гандурин, Б. Макаровский, М. Досов, П. Горбачев.

Бурный интерес к театру захватил и деревню. Николай Пантелеевич Паршин, старейший участник сельской художественной самостоятельности, рассказывал мне, как в 1921 году в Спасской (ныне Приволжье Куйбышевской области) молодежи — вернее, горсточка комсомольцев — поставила первый в селе спектакль.

В то время там не было еще ни клуба, ни сцены, ни электричества. Не пахло, разумеется, и поджаренной пшеницы. Судили, рядили и пришли к выводу, что все можно сделать своими силами: не боги горшки обжигают. Сами сочинили пьесу, распределили роли и начали репетировать. Потом соорудили в школе подмостки, сделали кое-какие декорации, сшили из одеял занавес. В день премьеры повесили к потолку две лампы-молнии. На улице появилась написанное чернильной мазилкой объявление:

«Воскресенье 27 августа. Сегодня

в школе силами драмкружка будет поставлена пьеса под названием «Кончина света». Начало в 9.30 м. вечера. Вход бесплатный».

На спектакль пришли все. Люди сидели на лавках, на партах, на подоконниках, на полу, теснились в проходах. От духовых мигали лампы. Но никто не уходил. Старики, старики, молодежь и детвора терпеливо ожидали, пока исполнители явятся к себе углем усы и приклеют воилочные бороды.

Наконец раскрылся занавес, точнее — два одеяла, висевшие на веревке; с большим трудом, словно упирающихся копей, их растащили по сторонам, и спектакль начался.

В пьесе обыграны эпизоды из местной жизни. Зрители быстро распознали, кто из персонажей «свой», кто — «чужой», и активно вмешивались в судьбы героев: одних поддерживали и ободряли, других — бранили на чем свет стоит...

Так почти полвека назад родился самостоятельный театральный коллектив в селе Приволжье.

Так родились и многие другие театральные коллективы. Об этих днях рождения нового мира А. В. Луначарский писал:

«Революция сказала театру: «Театр, ты мне нужен. Ты мне нужен не для того, чтобы после... трудов и боев я, революция, могла отдохнуть на удобных креслах в красивом зале и развлечься спектаклем. Ты мне нужен не для того, чтобы я просто могла свежо помяться и «отвести душу». Ты мне нужен как помощник, как прожектор, как советник. Я на твоей сцене хочу видеть моих друзей и врагов. Я хочу видеть их в настоящем, прошлом и будущем».

С. ЛИСЕЦКИЙ.